

Искандер Арысов

Мышиный пир на костях будущих морщин

Искандер Арысов

**Мышиный пир на
костях будущих морщин**

«Автор»

2026

Арысов И.

Мышиный пир на костях будущих морщин / И. Арысов —
«Автор», 2026

Три студентки МГИКа, библиотечного факультета, — Вера, Надя и Любочка. Серые мышки в глазах сокурсников, они мечтают о глянцевых обложках и вечной молодости. Две из них всю жизнь будут штурмовать старость снаружи: помады, кремы, уколы, скальпели. Третья — изнутри: гимнастика, кефир, тихое прислушивание к собственному телу. Три пути, три судьбы, три приговора, вынесенные временем. Внешняя красота не спасает от атеросклероза, филлеры не восстанавливают нефроны, а гладкая кожа не гарантирует здоровых сосудов. Пока героини спорят о морщинах, в их аортах уже откладываются липидные полосы — первые черновики будущих бляшек. Врачи предупреждают: сердце стареет по графику, который не переписать. Но разве можно остановить тех, кто верит в чудо? Роман-трагедия о том, как иллюзия молодости становится клеткой, как красота оказывается маской на гниющем фундаменте и как три женщины платят за свой выбор — каждая ценой, которую не вернуть.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Мышиный пир на костях будущих морщин

Пролог. График, начертанный на стенках аорты

Москва, 2026 год. Осень, которая не кончается.

Среди бесконечного шума московских проспектов, среди гудков машин и криков рекламы, среди тысяч лиц, мелькающих в подземных переходах, есть нечто, чего не видят глаза, но что чувствуют кости. Это время. Оно невидимо, как воздух, но оно осязаемо — оно гладит кожу своими шершавыми пальцами, оставляя на ней борозды, которые мы называем морщинами; оно проникает в лёгкие, делая их жёстче и менее податливыми; оно вгрызается в стенки сосудов, откладывая там известковый налёт, который врачи называют «липидными полосками», а народ — «песком в часах, которые никогда не переворачиваются». Время — это река, текущая в одном направлении, и никто, ни один человек на этой земле, не сумел повернуть её вспять. Никакая помада, никакой укол, никакой скальпель не способны остановить течение этой реки. Можно лишь строить на её берегах хрупкие павильоны иллюзий, красивые беседки, где мы прячемся от дождя неизбежности, и в этих беседках мы раскрашиваем свои лица, чтобы казаться моложе, чтобы обмануть прохожих, отражения в витринах, иногда — самих себя. Но река течёт, она всё течёт, и каждый день она смывает с наших лиц слой за слоем, пока мы не остаёмся с тем, что есть на самом деле: с костями, с хрящами, с тихо работающими, а потом всё более шумно отказывающимися органами.

В 2026 году, в эту самую осень, когда листья падают с деревьев как отслоившиеся клетки эпидермиса, российские врачи всё чаще повторяют одну и ту же фразу: «Внешняя сохранность — не свидетельство внутреннего здоровья». Они говорят это женщинам, которые выходят из косметологических клиник с лицами, гладкими, как каток, но с печенью, жирной, как свиной окорок, и с почками, забитыми солями, как старый фильтр. Они говорят это мужчинам, которые накачивают мышцы в фитнес-клубах, но не могут подняться на третий этаж без одышки, потому что их сердце, уставшее от стероидов и стресса, уже отсчитывает последние такты своей аритмичной симфонии. Они говорят это молодым, выглядящим на двадцать пять, но имеющим анализы пятидесятилетних, и старым, которые кажутся бодрыми, но внутри — как гнилой дуб, который держится только за счёт коры.

В том же 2026 году, в Скандинавском центре здоровья, главный врач с усталыми глазами объясняет журналисту, что биологический возраст обмануть невозможно. «Медицина не удлиняет срок службы органа, — говорит он, постукивая ручкой по столу, где лежат результаты анализов его пациентов. — Она лишь убирает то, что этот срок укорачивает. Мы проверяем давление, холестерин, сахар — и это отодвигает инфаркты и инсульты, но мы не переписываем график, который заложен в клетках. Клетки делятся с прежними ограничениями, коллаген синтезируется по той же схеме, что и сто лет назад, и нефроны почек — они не восстанавливаются. Ни один препарат не даст вам новые почки, ни один крем не создаст новую кожу. Мы всего лишь ремонтируем то, что есть, но мы не строим заново». Журналист кивает, записывает, а за его спиной, в очереди к кардиологу, сидят три женщины, которым уже за пятьдесят, и у каждой из них в руках — история болезни, написанная не кровью, а временем.

Эти три женщины когда-то были сёстрами не по крови, а по комнате, по общежитию, по тем спорам, которые ведут только в девятнадцать лет, когда кажется, что весь мир лежит у твоих ног и нужно лишь выбрать правильную помаду, чтобы стать королевой. Они учились на библиотечном факультете МГИКа, и, как все на этом факультете, они носили клеймо «серых мышек» — так их называли студенты театральных и режиссёрских мастерских, которые считали себя центром вселенной. Но мыши эти грезил о львиных долях и пантерах с глянцевых обложек. И каждая выбрала свой путь к этой химере: Надя и Любочка решили штурмо-

вать крепость старости снаружи — красками, кремами, уколами, скальпелями, а Вера решила взбираться на эту крепость изнутри — через гимнастику, через прислушивание к своему телу, через дисциплину, которая похожа на молитву. Они встретились в этой клинике в 2026 году не случайно, а потому что время, как справедливый, но жестокий судья, неумолимо сводит счёты. Оно сдирает с них слои — слой косметики, слой филлеров, слой самообмана, — и оставляет их чистыми, как рентгеновские снимки, на которых видны все трещины, все бляшки, все сужения.

Врачи говорят: старение делится на базовый процесс — тот, что заложен в генах, от которого никуда не деться, и наносную часть — результат давления, сахара, курения, недосыпа, солнца и того самого страха, который гложет изнутри. В XX веке наносная часть уменьшилась: люди перестали умирать от инфекций, стали проверять давление до первого инфаркта, курящих стало меньше. Но она же и выросла — из-за сидячей работы, переедания, еды с избытком сахара, хронического недосыпа, из-за той безумной гонки за «успешным успехом», которую разожгли соцсети. И теперь двое пациентов с одной датой рождения могут отличаться по состоянию сосудов и почек на целых пятнадцать лет. Один будет бегать марафоны в шестьдесят, другой — умирать от инфаркта в сорок пять. И разница между ними — не в количестве морщин, а в том, как они жили, что ели, сколько спали, и главное — боялись ли они зеркал больше, чем своей собственной крови.

Органы сдают позиции в строгом порядке, как солдаты, которые знают, что отступать никуда, но пытаются задержать врага. Сосуды и сердце — первые, кто поднимает белый флаг. Липидные полосы, те самые предвестники атеросклероза, появляются в аорте уже у подростков, и к тридцати годам у многих здоровых людей уже есть сформированные бляшки. Они сидят там, внутри, как немые свидетели будущих катастроф, и не проявляют себя до сорока пяти — до того самого возраста, когда, по статистике, мужчины вдруг падают с инфарктом, а женщины хватаются за грудь в очереди за хлебом. Потом лёгкие — пик их функции приходится на двадцать пять, а затем каждый год они сдают по проценту, как старый ковёр, который выцветает на солнце. Почки держатся дольше — до тридцати-сорока лет, а потом их фильтрация падает на процент в год, и человек может потерять треть своей почечной ткани и ничего не почувствовать, пока однажды анализы не покажут цифры, от которых похолодеет любой врач. Кожа — самый заметный фронт, потому что она видна всем, но её старение — всего лишь отражение того, что происходит внутри: коллаген, этот строительный материал молодости, перестаёт вырабатываться после двадцати пяти, и каждый год его становится на процент меньше, и на лице, открытом солнцу и ветру, это заметнее всего. Мозг — он стареет иначе: скорость реакции падает после тридцати, но способность видеть картину целиком и мудрость — они растут, как дерево, которое становится крепче с годами, даже если кора его трескается. Слух — высокие частоты уходят уже после тридцати, но мы этого не замечаем, пока в шестьдесят не начинаем переспрашивать внуков. Всё это — график, и он начертан не на бумаге, а в глубине наших клеток, в той самой ДНК, которую мы не можем переписать, как не можем переписать историю.

Но есть в этом графике одна странная, почти мистическая закономерность: около сорока с небольшим и около шестидесяти лет случаются скачки — как будто организм делает два тяжёлых вдоха, после которых всё меняется. За два года человек может постареть больше, чем за предыдущее десятилетие. Это тот самый сигнал, который врачи называют «пора менять привычки»; но многие его не слышат, потому что слишком заняты нанесением нового слоя штукатурки на фасад. Они бегут к косметологам, делают подтяжки, колят стволовые клетки, забывая, что даже самая дорогая маска не заставит почки фильтровать лучше, а сердце биться ровнее. Клинические психологи бьют тревогу: инфекции побеждены, но геронтологические болезни — деменция, опухоли, разрушение суставов — растут, потому что люди живут дольше, но они живут в страхе, а страх — это яд, который разъедает все органы, особенно те, которые мы не видим.

Врачи, уставшие повторять одно и то же, всё же повторяют: мол, если недомогание длится больше недели — идите к терапевту, а не в соцсети. Не путайте усталость с «я не в ресурсе» — может, это дефицит витамина D или железа, а не кризис экзистенциальный. Регулярные чекапы работают лучше любого героического лечения, а давление, вес, сон и физическая активность — это основа, без которой все косметические процедуры — лишь украшение на гниющем фундаменте. И главное: не кидайте все силы на внешность в ущерб внутреннему здоровью. Искусственное вмешательство — лишь маскировка, и она не спасает, когда трещина идёт по несущей стене.

И вот, в эту осень 2026 года, когда в Москве льют дожди, смывающие пыль с асфальта, но не с души, три женщины сидят в кафе у Скандинавского центра здоровья и смотрят в свои стаканы с травяным чаем. Одна из них, с лицом, перекошенным после множества операций, сжимает в руках бумагу о гипертонии третьей степени. Вторая, с неподвижным лбом и хро-мой ногой, смотрит на результаты анализов почек, где написано «скорость фильтрации 45%». Третья, седая, с прямым взглядом, держит в руках свою карту — всё в пределах нормы, но она знает, что это не победа, а отсрочка. Она смотрит на подруг и видит в них свои собственные ошибки, свои собственные страхи, только умноженные на их выбор. Она вспоминает, как в девятнадцать лет они спорили о коллагене, о нефронах, о том, что важно, а что нет. Она вспоминает ту комнату № 340, то трюмо, ту помаду «алый закат». И она понимает, что годы, прошедшие с тех пор, не просто состарили их тела — они состарили их души, потому что они потратили свои души на борьбу с теми врагами, которых нельзя победить.

А за окном кафе проходят молодые девушки — в джинсах с заниженной талией, с яркими губами, с идеальными стрелками на глазах, и ни одна из них не знает, что внутри её уже работает тот самый часовой механизм, который через двадцать лет заставит её стоять в очереди к кардиологу или нефрологу. Они не знают, что их красота — это не подарок, а кредит, который придётся возвращать с процентами; они не знают, что липидные полоски уже начали откладываться в их сосудах, а коллаген уже начал рассыпаться. Они думают, что бессмертны. И это заблуждение — самое опасное из всех, потому что оно мешает им вовремя услышать тот тихий стук, которым их тело пытается сказать: «Я устало, я изнашиваюсь, я требую заботы».

Пролог к этой трагедии — это не слова, не проза, не литература. Это график, начертанный на стенках аорты каждой из этих женщин, каждой из нас, каждого, кто читает эти строки. Это медленное, неумолимое отступление, которое началось задолго до нашего рождения и закончится задолго после нашей смерти. Мы все — мыши в лабиринте времени, и только от нас зависит, будем ли мы бегать по этому лабиринту, натирая лапки до крови, или остановимся, прислушаемся, как бьётся наше сердце, и поймём: биться — это и есть жизнь. А старость — это не сбой, не ошибка, не наказание. Это завершение, естественное и неизбежное, как закат, который не надо бояться, потому что он прекрасен, если посмотреть на него без паники.

Три женщины, Вера, Надя и Любочка, прожили свои жизни, как три реки, текущие к одному морю. Одна текла через горы, чистая и прозрачная; две — через города, замутнённые отходами. Но в конце все они достигли того моря, которое называется Смерть. И только одна из них не жалела о выбранном пути, потому что она не врала себе, не пряталась за масками, не боялась смотреть в отражение времени. Она приняла свой график, и в этом принятии была её свобода.

А теперь, когда наступает ночь, и в комнате № 340 уже не горят лампы, и трюмо с отколотым уголком пылится в музейном хранилище, призраки трёх девушек всё ещё собираются там, в том осеннем вечере 1989 года, чтобы сказать всем, кто придёт после них: «Берегите свои сосуды, свои почки, своё сердце. Внешность — это всего лишь обёртка, которую сменяют. Содержимое — то, что останется. И если вы наполните его любовью к себе, а не страхом перед зеркалом, то вы не победите время, но вы перестанете быть его рабами. И это — единственная победа, на которую мы способны».

Так начинается эта книга. Но она не о врачах, не о больницах, не о диагнозах. Она о трёх мышках, которые пытались стать львицами, и о том, что львица — это не та, кто не стареет, а та, кто умеет рычать даже в старости.

Глава 1. Мышиный пир на костях будущих морщин

Москва, октябрь 1989 года. Общежитие Московского государственного института культуры на улице Королёва, комната 340.

Каждое утро в этой комнате совершалось таинство, достойное кисти Босха, если бы тот рисовал не муки святых, а муки девичьей плоти перед треснутым зеркалом. Три девушки, три будущие хранительницы книжного праха, собирались вокруг шаткого трюмо, словно три ведьмы вокруг котла, только вместо зелья у них была тушь «Люкс», польская помада с оттенком «алый закат» и баночка крема, которую добыли по блату у заведующей складом универмага «Детский мир» за пачку грузинского чая.

Их называли серыми мышками — студентки других факультетов, театралы и режиссёры, что сновали по коридорам с гордыми лицами и хриплыми голосами курильщиков. Те считали библиотечарш пыльными существами, предназначенными для перебирания каталожных карточек, для шёпота в читальных залах и для вечной девственности, запечатанной сургучом типографской краски. Но мыши эти, о, если бы они знали! Мыши, как и все твари земные, жаждали превратиться в львиц. Или хотя бы в пантер — с обложек «Бурды», где западные красавицы улыбались белозубыми пастями, не ведая ни о коллагене, ни о нефронах, ни о том, что их молодость — всего лишь краткий отсвет между первой менструацией и первой ишемией.

В комнате № 340 жили три девицы, и имена им были Вера, Надежда и Любочка. Имена, данные им родителями в советских роддомах, где над кроватками висели портреты Ленина и где акушерки, принимая роды, шептали: «Главное — чтоб голова прошла, а остальное приложится». Так и приложилось: головы у них были разные, но все три — словно три грани одного зеркала, в котором отражалась эпоха, когда люди верили в светлое будущее и в то, что кремы из подпольного цеха способны остановить бег времени.

Вера сидела на подоконнике, где подоконник был холоден, как лёд Антарктиды, ибо отопление в общежитии подавали по расписанию — с перебоями, как и веру в коммунизм. Она была худощава, с длинной шеей, которая напоминала стебель полыни, и с глазами, в которых тлел не огонь страсти, а ровный, спокойный свет настольной лампы — тот свет, что не ослепляет, но позволяет видеть все трещины на потолке. Вера делала гимнастику — не суетливую, как обезьянка в зоопарке, а глубокую, почти буддийскую. Она выгибала спину в позе «кошечка» — прогиб, выгиб, прогиб, — и при этом её позвонки издавали звук, похожий на хруст сухих осиновых веток под ногой грибника. Она прислушивалась к своему телу так, как дирижёр прислушивается к фальшивой ноте в оркестре: она знала, что где-то там, в глубине, зарождается будущая боль, и пыталась её урезонить.

Надя стояла перед зеркалом с таким видом, будто штурмовала крепость собственного лица. Она была крутобёдрой, с густыми бровями, которые в будущем, как она знала, придётся выщипывать в ниточку, и с кожей, которая уже сейчас, в девятнадцать лет, начинала лосниться на носу, словно предвещая жирный блеск тридцатилетней женщины, обжаренной жареной картошкой. Надя водила тушью по ресницам, и каждый взмах щёточки был похож на взмах меча: она сражалась с серостью, с обыденностью, с тем, что её мать, продавщица в сельпо, выглядела в сорок лет на шестьдесят. «Я не буду такой», — шептала Надя, и тушь застывала комочками, превращая ресницы в паучьи лапки.

Любочка, самая маленькая и самая звонкая из троицы, кружилась у зеркала, пытаясь увидеть свой затылок. У неё была головка, как у воробья, и так же быстро она вертелась. Она искала морщины — мимические, те самые первые трещинки на фасаде молодости, которые появляются от смеха, от ветра, от жизни. «Ой, Надь, смотри, уже полосочки! — кричала она. — А мне всего девятнадцать! Я уже стареющая мышь!» И при этом она наносила помаду на губы

так яростно, будто закрашивала не рот, а вход в пещеру, из которой вылетали все её глупые надежды. Помада была алой, как кровь, и когда она облизывала губы, казалось, что она пьёт свой собственный будущий инфаркт.

Они были неразлучны, эти три, как три кита в древнем мифе, только держали они на своих спинах не землю, а мечту о том, чтобы их заметили. Заметили не как библиотекарей, а как женщин. Как существ, способных вызывать в мужчинах не только желание узнать название книги, но и желание касаться, целовать, разглядывать их лица под уличными фонарями. Но их профессия, будущая, нависала над ними, как топор палача: библиотечный факультет — это почти что приговор. В те годы, 1989-м, когда страна стояла на пороге великого распада, а в воздухе пахло бензином и свободой, эти три девушки были частью старого мира — мира бумажных карточек, читательских формуляров и запаха типографской краски, который въедался в кожу. Мира, где молодость измерялась не состоянием сосудов, а комсомольским стажем.

Но они не хотели быть частью этого мира. Они хотели прыгнуть выше головы — в тот самый глянцевоый мир, где женщины не стареют, потому что их лица нарисованы на бумаге. И каждая из них выбрала свой путь к этому недостижимому счастью.

Надя и Любочка решили биться за внешность — как гладиаторы, только вместо мечей у них были скрабы, кремы, уколы (о которых они знали по слухам) и диеты, которые они нарушали каждую пятницу. Они коллекционировали баночки, тюбики, флаконы — целый алхимический набор, который, по их мнению, должен был превратить свинец в золото. Они читали журналы «Работница» и «Крестьянка» в поисках советов, но втайне мечтали о заграничных косметических линиях, которые казались им эликсирами бессмертия. Они готовы были терпеть боль от выщипывания бровей, от восковых полосок, от химических завивок — лишь бы их признали красивыми. Они думали, что красота — это щит, который защитит их от одиночества, от бедности, от того, чтобы их списали в утиль после сорока.

Вера же, напротив, избрала путь внутренней красоты. Но не той, что воспевают в стихах про душу, а той, что можно измерить цифрами: давлением, пульсом, уровнем гемоглобина. Вера не красилась — ни разу за всю свою студенческую жизнь она не коснулась губы помадой, и в этом была её гордость. Она вставала в шесть утра, делала зарядку, обливалась холодной водой, ела кашу на воде без сахара, а на ужин — творог. Она читала не только Белинского и Добролюбова, но и странные книжки по анатомии, которые приносила из медицинской библиотеки, куда её пускали по знакомству. Она знала, что у человека пять литров крови, что сердце бьётся сто тысяч раз в сутки, что почки фильтруют сто восемьдесят литров в день, и что если что-то из этого даст сбой, никакая помада не спасёт.

«Вы дурочки, — говорила Вера подружкам, делая очередную "лодочку" на полу, и её тело выгибалось так, что казалось, она сейчас переломится пополам, как сухой стручок гороха. — Вы мажете лицо, а внутри у вас всё скрипит. Ты, Надя, вчера съела два пирожка с мясом в столовой — а знаешь, что этот жир оседает на стенках твоих артерий? Он оседает тихо, как снег, и ты не заметишь, пока в пятьдесят лет не схватишься за грудь. А ты, Любочка, пьёшь третью чашку кофе и думаешь, что это бодрит, а это твои сосуды сужаются, как удав, сжимающий кролика. И никакая тушь не скроет твои синие круги под глазами через десять лет».

Но они не слушали. Тогда, в 1989-м, они были бессмертны. Или думали, что бессмертны. Молодость — это такая болезнь, при которой кажется, что ты вечен. Ты видишь старух у подъезда, сгорбленных, с клюками, и думаешь: «Это не я, со мной такого не случится». А случится. Обязательно случится. Потому что тело, как и любая машина, имеет срок эксплуатации. Но в 1989-м об этом думали немногие. Одна Вера знала, хотя и не вполне осознанно, что её собственное сердце уже начинает стареть по графику, как и у всех. Просто она решила этот график чуть-чуть сдвинуть.

Они часто спорили, эти три мышки. Спорили до хрипоты, до слёз, до того, что Любочка швыряла пустую пудреницу в стену, а Надя убегала в коридор и колотила кулаком по батарее, которая издавала железный звон, похожий на похоронный марш. А Вера молчала, складывала руки в лотос и делала глубокий вдох, как будто вдыхала не воздух, а время, и пыталась удержать его в лёгких подольше.

— Зачем нам внутренняя красота? — кричала Любочка, размазывая слёзы и помаду по щекам, и лицо её становилось похожим на маску индейского воина. — Кто туда заглядывать будет? Все смотрят на лицо! На грудь! На ноги! Если ты будешь здоровой, но некрасивой, ты умрёшь одна, с книжками в обнимку!

— А ты умрёшь в очереди за очередным кремом, — отвечала Вера спокойно, но в голосе её звучала такая грусть, что Надя вздрагивала. — Вы думаете, что боретесь за любовь? Вы боретесь за иллюзию. Мужчинам не нужна ваша помада — им нужно ваше здоровье, чтобы вы родили здоровых детей, чтобы вы дожили с ними до старости. Но вы этого не понимаете, потому что вы ещё дети.

Дети! Они и правда были детьми — с неустоявшимися гормонами, с прыщами на подбородках, с первой любовью, которая приносила только боль и несварение желудка. Но время шло. Оно текло, как вода из прорванной трубы, и его нельзя было остановить ни заклинаниями, ни косметикой. Оно текло в их кровях, в их клетках, в их нефронах, которые с каждым годом теряли по одному проценту своей функции.

В конце каждой осени они — Вера, Надя и Любочка — встречались. Это стало их традицией: ровно через год, в день, когда они впервые поселились в этой комнате, они собирались вместе, даже если кто-то уже был замужем или уехал в другой город. Они покупали дешёвое советское шампанское, которое больше походило на лимонад, и сидели в той же комнате — уже другой, уже не студенческой, но такой же тесной. Они смотрели друг на друга, и глаза их, как рентген, сканировали перемены.

Надя, которая всегда была пухлой, становилась ещё пухлее, но её лицо оставалось гладким, как яблоко, — она копила на уколы гиалуроновой кислоты, о которых уже тогда, в начале нулевых, ходили слухи. Любочка худела до прозрачности, её скулы выпирали, как скалы, и она прятала морщины под слоем тонального крема толщиной в палец. А Вера оставалась всё такой же — худощавой, прямой, с ясным взглядом и с лёгкой сеточкой морщин у глаз, которая не пряталась, а, наоборот, подчёркивала её мудрость. Но Вера молчала. Она уже знала то, что другим только предстояло узнать.

А жизнь расставляла всё по местам. Медленно, безжалостно, как палач, затачивающий топор.

В 2005 году, когда им было по тридцать пять, Надя впервые легла под нож пластического хирурга — подтяжка лица, которую она выпросила у своего мужа-бизнесмена в обмен на молчание о его командировках. Любочка же вкалывала себе ботокс каждые полгода, и её лицо перестало выражать эмоции — оно стало маской, на которой можно было читать только одно: страх. А Вера бегала по утрам в парке, пила рыбий жир и измеряла давление. Она не стала красивее, но она стала спокойнее. Её тело слушалось её, как дрессированная собака — оно не подводило, не ныло, не предавало. Пока.

Но это всё будет потом. А тогда, в той далёкой комнате № 340, когда за окном падал первый снег 1989 года, они не знали будущего. Они только чувствовали его — смутно, как запах гари за горизонтом. Вера, может быть, чувствовала больше других.

Однажды ночью, в конце октября, когда Любочка и Надя уже спали, и их дыхание смешивалось с запахом дешёвых духов, Вера не спала. Она сидела на подоконнике и смотрела на луну — большую, жёлтую, как таблетка витамина Е. Луна висела над общежитием, и её свет проникал в комнату через грязное стекло, оставляя на полу серебряные пятна, похожие на склеротические бляшки. Вера вспомнила, что на лекции по анатомии им рассказывали: липид-

ные полоски в аорте появляются у подростков. Значит, у неё уже есть эти полоски. У всех них есть. Они внутри, как черви, точат стенки сосудов. И через двадцать лет, когда они соберутся в очередной раз, кто-то из них уже будет пить таблетки от давления. Кто-то — ложиться под скальпель кардиохирурга. А кто-то, возможно, не доживёт.

Вера вздрогнула и перекрестилась — хотя она не была верующей, так, машинально. Она надела свои шерстяные носки, сползла с подоконника и подошла к трюмо. Луна отразилась в зеркале, и её собственное лицо показалось ей чужим — юным, гладким, но уже тронутым тенью, которая не была тенью от носа или скул. Это была тень времени. Оно подкралось, как вор, и уже начертило на её лбу первую, почти незаметную линию. Не морщину — так, набросок. Вера провела пальцем по лбу, закрыла глаза и прошептала:

— Я не боюсь тебя, время. Я буду с тобой дружить. Я буду тебя слушать.

А Надя во сне причмокивала губами — она видела сон, в котором она идёт по красной дорожке, а фотографии щёлкают затворами, и все кричат: «Какая красавица!». А Любочка бормотала что-то про «ещё один укол, ещё один, и я буду вечная». Но вечности не было. Ни у одной из них.

В 1989 году в Москве было холодно и голодно — в смысле товаров, но не в смысле еды, еда была, но скудная. Вера, Надя и Любочка ходили в институтскую столовую, где давали перловую кашу с подгоревшим луком и кисель, который напоминал мокрый крахмал. Они ели это и думали о будущем. О будущем, где они будут есть мясо, пить настоящий кофе и носить джинсы «Монтана». Они не думали о том, что в этом будущем их желудки будут страдать от гастрита, печень — от жировой дистрофии, а поджелудочная — от сладкого, которое они станут поглощать в изобилии. Они не думали о том, что их будущие мужья, которые сейчас ещё мальчишки, тоже состарятся, и их любовь превратится в привычку, а привычка — в совместный приём лекарств.

Но Вера думала. Она думала об этом постоянно, как о навязчивой мелодии, которая звучит внутри черепа. Её бабушка, та самая, что прожила девяносто два года, говорила: «Внученька, тело — как дом. Если крыша течёт, ты можешь покрасить стены, но крышу надо чинить. А красить стены — это только для глаз соседей. Соседи увидят красоту, а ты будешь мокнуть». Вера запомнила эти слова и сделала их своим девизом. Она чинила крышу — пила витамины, делала упражнения для спины, избегала сахара и мяса. Но даже она не знала, что дом её обречён. Что любая крыша когда-нибудь прохудится, потому что время — это не дождь, а кислота, разъедающая всё.

Прошли годы. Десять, двадцать, тридцать. В 2019 году, когда им было уже под пятьдесят, они встретились в Скандинавском центре здоровья — это был уже не их обычный сбор, а экстренный, по поводу Нади. У Нади нашли гипертонию третьей степени и жировую болезнь печени. Она пришла на приём в дорогом костюме, с идеальным макияжем, но лицо её было серым, как земля после дождя. Любочка тоже была там — она теперь работала косметологом в престижном салоне и выглядела... странно. Её лицо было гладким, как бильярдный шар, но глаза под этим гладким лбом были старыми, очень старыми, с желтизной на белках. Она тоже пришла на обследование — у неё был сахарный диабет второго типа, который она запустила, потому что «некогда, клиенты ждут».

А Вера пришла с ними — не как пациент, а как поддержка. Она была всё такой же подтянутой, с седыми прядями, которые она не красила, и с ясным взглядом. Она прошла чекап за свой счёт и оказалась здоровее обеих подруг — её давление было 120 на 80, холестерин в норме, сахар в норме. Но кардиолог, взглянув на её показатели, покачал головой:

— Вера Петровна, вы в отличной форме для своего возраста. Но, знаете, ваши сосуды всё равно не молоды. У вас есть атеросклеротические бляшки — они есть у всех к пятидесяти. Просто они не мешают вам. Но они есть. И вы не обманете их.

Вера кивнула. Она знала. Она всегда знала.

А подружки плакали в коридоре клиники, и их слёзы размазывали косметику, обнажая морщины, которые они так старательно прятали. Надя смотрела на свою грудь, подтянутую хирургом, и понимала, что внутри всё разваливается. Любочка трогала своё гладкое лицо и понимала, что под ним — больные почки, которые уже не справляются.

И тут Вера, которая молчала все эти годы, вдруг сказала:

— Помните, я вам говорила в девятнадцать лет про липидные полоски? Вы смеялись. А теперь вы здесь. И я здесь. Все мы здесь. Но я, по крайней мере, не пыталась замазать трещину в фундаменте. Я просто жила с ней. А вы пытались её заштукатурить, и теперь фундамент рушится.

И они заплакали ещё сильнее — не от обиды, а от того, что Вера была права. И от того, что эта правота ничего не меняла. Время взяло своё, как берёт дань жестокий ростовщик. Оно взяло красоту, здоровье, надежды. Оно оставило им только память о той комнате, о том трюмо, о тех спорах, которые казались им такими важными.

А ведь они тогда, в 1989-м, спорили о пустяках. О помаде. О кремах. О том, кто лучше выглядит. Они не знали, что их тела уже начали стареть — по тому самому графику, который не отменишь ни уколами, ни диетами. Их нефроны уже теряли по проценту в год, их коллаген уже рассыпался, их сердца уже бились с чуть заметной аритмией, предвещая будущие проблемы. Они были молоды, но старость уже сидела в них, как зародыш, и ждала своего часа.

И сейчас, в 2026 году, когда вся Россия обсуждает, до какого возраста считаться молодёжью — до 35 или до 40, когда врачи твердят о диспансеризации и о том, что внешняя сохранность не есть здоровье, — три бывшие подружки сидят в кафе у Скандинавского центра и пьют травяной чай без сахара. Надя и Любочка по-прежнему пытаются бороться — Надя купила новый абонемент в фитнес-клуб, Любочка записалась на процедуру омоложения плазмой. А Вера просто сидит и смотрит на них с той же грустной улыбкой, с какой смотрела сорок лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.